

Мария Гурова жонглирует не только пестрым сочетанием эпох, но и жанров, стилей.

Плутовской роман об оживающих куклах переплетается с осовремененным рыцарским эпосом, но за всеми тонкостями филологической игры и грохотом металлических сапогов масштабных военных событий не теряются герои.

Эта книга — прежде всего о человеческой природе; о том, как остаться собой во времена перемен и не дать Истории превратить себя в марионетку, дерущуюся на потеху толпе.

ДЕНИС ЛУКЪЯНОВ
писатель, книжный обозреватель,
комьюнити-менеджер Литрес.

МАРИЯ ГУРОВА

ВЕРЕВОЧНАЯ
ПАПАДА

ВЕЛИКИЙ
ЛИС

LIKE
BOOK

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

Художественное оформление *Янины Клыга*

Иллюстрации и художественные элементы — *Veneden*

Гурова, Мария.

Г95 Веревоочная баллада. Великий Лис / Мария Гурова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Young Adult. Хиты молодежного фэнтэзи).

ISBN 978-5-04-181586-8

Прославленный кукольник мастер Барте и его сын Оливье Трувер, талантливый кукловод, гастролируют по стране, терзаемой революцией, и надеются не потерять себя и друг друга. Истории отцов прочно вплетаются в судьбы детей.

Ныне, когда Илия Гавел стал королем Эскалота, а Тристан Трувер — первым рыцарем, им приходится думать о наследии, что досталось по праву и останется потомкам. Кнуд продолжает кровавый марш, и в мире не остаётся безопасного места. Кто закончит затянувшуюся войну: рыцарь с даром фей, избранный король, неожиданный союзник из Радожен или Великий Лис?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181586-8

© Мария Гурова, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ВЕРЕВОЧНАЯ ПАПАДА

КНИГА III

ПРОЛОГ

В тесном шашито было душно. Жар от нагретейшей ткани шатра опускался на столпившуюся публику, отчего зрители потели, суетились и только больше согревали воздух вокруг себя. Над головами людей роились мухи, которых многие уже отчаялись отогнать. То и дело в первый ряд прорывались дети, расталкивая ноги и юбки взрослых, хотя некоторых ребят усадили на плечи родители, стоящие у стен шатра. Пахло дурно, но жители маленького городка в большинстве своем — работники, и потому только один мужчина в твидовом пальто и начищенных ботинках прижимал белый носовой платок к лицу. Он недовольно оглядывал собравшуюся толпу, но за представлением следил с явным интересом.

«Цирк мастера Барте» — диковинное и редкое шоу, которому не требовалось зазывать и афиш. Хватало слухов о том, что вереница пестрых фургонов едет в город, как люди откладывали все дела, чтобы посетить представление, каждое из которых начиналось с кукольного спектакля. Объявлял своих артистов — и живых гени-

ев, и смастеренных им вручную персонажей — директор цирка Бартеломью Трувер, известный в народе как мастер Барте. Вот и сейчас первый акт отгремел, а кукольный поклон утонул в овациях. И не успели зрители вдоволь обласкать труппу искренними восторгами, как маленькая сцена была разобрана, а на арене появился прославленный оракул Мэб Ле Гри. Софиты притихли, а одинокая лампа, разукрашенная так, чтобы проецировать россыпь звезд на выступающего и кулисы, сделала свое дело. Шапито погрузилось в таинственный мрак, и множество бликов бегало зайчиками по лицу оракула, когда ассистент проворачивал механизм. Зал замер в предвкушении, зажатые в жарком шатре люди даже дышали тише. И только барабанщик трещал палочкой по краю латунной тарелки, а в самые ответственные моменты, когда Мэб Ле Гри произносил свое предсказание, отвешивал глухой и протяжный удар в титанический барабан. Оракул был сведущ и честен, он всегда говорил правду, какой бы печальной и пугающей она ни была, но сдабривал всякую тревожную новость надеждой. Всем циркачам, а ему больше прочих, выступления в нынешние дни давались сложнее, чем прежде.

Закончив выступление, он покинул замороженную его пророчествами публику, уступив место акробатке Маро. Внезапно послышался свист. Издавал его вовсе не обозленный предреченными бедами и недовольный шоу зритель, а один из жандармов. Три лица в черных мундирах вошли в шапито, расчищая себе свистком и осторожными толчками путь к рампе. На арену вышел мастер Барте.

— Позвольте, господа, что случилось? Ваше дело требует такой спешки, чтобы прерывать номер моей блистательной Маро? — недовольно возмутился он.

Усатый жандарм примирительно поднял руку в белой перчатке и извинился:

— Простите, мастер, никто не хотел вас обидеть. Но я пришел заявить о тревоге. Ваше шапито стоит на окраине, и люди здесь не услышали сигнала. Я с грустью сообщаю, что сюда движутся повстанческие войска, и генерал Паветт требует немедленно эвакуировать гражданских. Мне жаль, господа, дамы, без паники! Не паникуем! Осторожно, здесь же дети! О, прошу вас, женщина... Мастер.

Он коротко приложил руку к козырьку фуражки и поспешил заняться разволновавшимся народом. Мастер Барте развернулся к высыпающим из-за кулис артистам и пожал плечами. Безропотные работники сцены без его указа побрели разбирать декорации и сворачивать юбку шатра.

— Бартеломью! Барте... Грувер! — звал его кто-то из бурлящего моря людей.

Единственный солидный господин в зрительном зале протискивался к директору. Завидев его, мастер распахнул объятия, как старому другу.

— Людовик! Милый мой Людовик! Какими ветрами тебя занесло так далеко от столицы? — Он жадно разглядывал знакомя, словно не видел его пару десятков лет, что, возможно, и было правдой.

— Я здесь по делам. Порох, сам понимаешь, порох, — он деловито одернул борт пальто и снова радушно посмотрел на директора.

— Ох, пороховой принц, весь в отца — весь в делах. А он как? Как здоровье его? — Мастер Барте приобнял Людовика и повел его сквозь суету быстрых сборов к своему фургону.

— Почил, почил, — скорбно сообщил гость.

— Прими мои соболезнования!

— Благодарю. Уже двенадцать лет как. А я вот выбрался в захолустье по работе и слышу, твой цирк едет. Душаю, дай загляну. Когда еще свидимся, коль такие времена настали...

— Ой, не говори! Погляди, кто тут у нас! — воскликнул он, когда из фургона выбежал мальчик десяти лет. Впрочем, Людовику, другу детства Барте, не составило труда догадаться, кем юнец приходится мастеру. — Познакомься, мой сын Оливье, который забывает вымыть лицо после того, как поест варенье. Да? Оливье, мой старинный друг Людовик.

Мальчик быстро утерся платком, отряхнул руки и звонко заявил, что ему это знакомство очень приятно.

— И мне, юноша, — признался Людовик, и было заметно, что он не любезничает, он действительно рад видеть семью друга. — Как с тебя рисовали, Барте. А где же мадам Трувер?

По тому, как Оливье растерялся и погрузился, Людовик и сам понял, что спросил об умершем человеке. Мастер Барте подтвердил его догадку.

Пока они какое-то время беседовали о пролетевших декадах друг друга, на месте шапито осталась только вытопанная трава, а мимо по дороге пошла колонна солдат. Ряды дул и штыков, устремленных в грозные тучи, плыли

В Е Р Е В О Ч Н А Я   Б А Л Л А Д А

на восток. Людовик поведал, что в столице только и говорят, что о новых восстаниях, и опасаются революции. Мастер Барте знал, как плохо бывает с любой стороны. Он — дворянин, оставивший в молодости дом ради дела кукольника, создал цирк и жил богемной жизнью, о которой мечтал. Он был вхож и в благородные дома, и независим от любых условностей, разрешая себе все, что дозволено простому человеку, — выбор, любовь и потерты, уставшие от путешествий ботинки. Обыкновенно судьба неприязненного художника была завидной и лакомой, а потому легко осуждалась высшим обществом за разнузданность, а народом — за вседозволенность. Но мастер Барте был гением, признанным, любимым. А гениям прощали все: он мог выступать и перед правительственными войсками, и перед повстанцами, и везде ему были рады. Но время шло, более того, наступало, и его тяжелый сапог вынуждал каждого выбрать сторону. Причудливый зеленый фургон — заглавный в цепи других цирковых повозок — ждал, когда пройдет королевская армия и еще не подспеют революционные силы. Он собирался ехать дальше неторопливо и аккуратно, чтобы ни тряска, ни звон колокольчиков над кроватью, ни эхо далекой пальбы не разбудили маленького Оливье, который еще не знал, насколько неприветливым может быть мир за пределами фургона мастера Барте.

ГЛАВА I. МАСТЕР БАРТЕ

Несколько городов отменили выступления в последний момент. Цирк возвращал деньги за билеты и этим спасал свою репутацию. Конкуренты считали оплату за сорванные шоу не по вине циркачей невозвратной и сбегали, пока люди занимались более насущными делами, такими как спасение близких, домашнего скота и пожитков. Честность мастера Барте шла цирку в убыток. Но никто его за благородные поступки так и не упрекнул. Денег стало не хватать, и больше всех страдал бедняга Юрбен, который обожал своих подопечных животных, и, вместо того чтобы урезать их паек, досыпал недостаток в кормушки из своей тарелки, а сам жевал хлеб с подсахаренной водой.

Впрочем, и темные дни заканчиваются. Люди устали от непостоянства и паники, стали меньше тревожиться и не так бурно реагировать на ужасы войны. Время шло в ногу с солдатами, и с годами волнения выцветали, подобно полевой форме.

Вскоре выступление в Сантье прогремело так, что окупило все потери с лихвой. Публика до того соскучилась по зрелищам, подобным этому, что артисты дали несколько концертов днем на площади, а кукольный театр и вовсе не закрывался весь день. И все же мастер Барте, рассчитав всех и поздравив с хорошим уловом гонорара и аплодисментов, ближе к полуночи зашел в свой фургон хмурым и будто расстроенным. Оливье не решался докучать ему праздными вопросами, только помог разуться и принес масло для снятия грима. Мастер разомлел от сыновней заботы и пожаловался:

— Кукловоды халтурят. Ужасно! Так играть Солушку! Она же должна порхать — она девушка, влюбленная! А он водит ее как Марту: так бабисто, тьфу! — мастер подбоченился и изобразил разухабистую походку. — А Орсиньо? Ты это видел? Ты же смотрел. Он пылок, внезапен, размахист! То, сё, туда, сюда... Размазня! Меня аж трясет за моих малышей!.. За что им кривые руки бездарей?

Оливье суетился вокруг отца: подавал поздний ужин, отряхивал сюртук, прежде чем повесить в шкаф, нес вязаные теплые носки на ночь. Он смотрел все показы и тоже остался недоволен, но стеснялся высказывать отцу свое мнение. Хотя в толпе детей, из которой он наблюдал все спектакли, вряд ли нашлись бы искушенные ценители.

— И главное, как тромбон глухому: я говорю, они кивают, и тут же все по-старому... Загниваем. Какие звезды у меня были раньше... Где их сейчас взять? Сколько ни отправлял разведчиков в другие театры, цирки, на ярмарки — все одно, халтура. На тебя надежда: думаю, может, хоть ты вырастешь и удивишь всех нас.

— Я очень постараюсь, отец, — пообещал Оливье, хотя совсем не знал, с чего начать. Мастер Барте ничему его толком еще не учил, кроме ведения счетов, организации шоу и режиссуры.

— Надо будет тобой заняться, — произнес мастер Барте, словно бы прочитав его мысли. — Вот Сола, например. Давай я тебе расскажу про Солу!

Подстегнутый чаяниями мастера Оливье осмелел и предложил:

— Да сколько раз уже говорили и про Солу, и про Орсиньо. Про всех. Расскажи не о куклах. Расскажи о людях. Ты твердишь мне: «Были звезды». Но я был мал или еще не родился, когда они блистали. Хочу узнать о них!

Его требование удивило мастера Барте, он даже остановил руку с заветренным бутербродом, ждавшим его на столе несколько часов, так он припозднился.

— А и правда, я тебе ничего не рассказывал о том, как мы наше дело зачинали, кто стоял у истоков... Как-то даже странно это, — задумчиво проговорил он.

— Ничего странного: мы с тобой спим по очереди. Я ночью, ты днем. Редкие часы, когда мы можем посидеть вдвоем, а ты не устал и не расстроен настолько, что только и можешь сотый раз заводить шарманку про свою Солу. И потом начинаешь сам храпеть в середине от скуки.

— Не попрекай меня усталостью, молодой человек! — пробурчал мастер Барте. — И не смей трогать Солу. Я сотворил ее по образу твоей матушки...

— Но она не мама, — вернул его в реальность Оливье. — Она очень красивая и талантливая кукла, которую

ты обожаешь. Но она не моя мать, сколько ты ни клади ее рядом со мной, чтобы я не боялся засыпать один в фургоне. Я не хочу ругаться.

Редкий вечер покоя: они оба не спят и даже никуда не едут. Утром у них запланировано прощальное шоу. Будет непривычно засыпать в статичном фургоне, обычно его знатно потряхивает на проселочных дорогах. Мастер Барте услышал призыв сына и начал свой рассказ. Внимательный и пытливый Оливье запомнил его по-своему, иной раз упуская совсем неважные детали и превознося в кавычки искрометные цитаты. И вот что у него получилось...

Детище молодого Бартеломью Трувера зачинаялось еще в семейном гнезде: он выстругал небольшую кукольную семью и пару раз в месяц давал представление для соседей и гостей дома. Куклы обрастали гардеробом, историями, утварью, домашними животными и новыми пейзажами. Тогда целому миру стало тесно в усадьбе, и Бартеломью отправился в столицу. Эскалотский институт драмы и комедии впервые запустил новаторский курс циркового дела. Площадное ремесло шло вразрез с закоряженным академизмом, но директор известного цирка, ушедший на пенсию с огромным состоянием, сколоченным под куполом шапито, настоял на своем эксперименте. Он взял Бартеломью и Ле Гри еще на первом этапе отбора. Там же эти двое познакомились с Юрбенном — талантливым юнцом, которого старый директор взял под крыло за несколько лет до ухода с арены. Юрбен находил подход к любому животному, словно знал язык любого из них. Он договаривался даже с теми, чей